

Общие вопросы истории и философии науки

КОГНИТИВНЫЙ МИР И ЕГО ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ*

В.А. Кутырев

Рассматриваются исторические формы познавательного моделирования мира: мифология, гносеология, эпистемология, когнитология. В когнитивизме качественное, или смысловое, познание (Logos) вытесняется количественным, или формальным (Mathesis). Философским основанием когнитивизма является трансцендентализм Канта и Гуссерля. Непоследовательность их построений преодолевается в постмодернизме (Делез) заменой принципов мышления: тождества и противоречия – различием и повторением, то есть информационизмом. Это означает замену онтологии нибитологией, «нашего» предметного мира миром конструктивно-когнитивным, постчеловеческим.

Ключевые слова: гносеология, эпистемология, когнитология, трансцендентализм, постмодернизм, тождество, различие, нибитология, *Mathesis universalis*

Явление когнитологии

Все великие империи, будь то Римская или советская, распались из-за обострения внутренних отношений, хотя внешне под воздействием варваров. Более чем 2-тысячелетняя традиционная философия тоже терпит поражение не столько от ударов постмодернистского нибитизма, сколько из-за процессов и событий в царстве человеческого духа в целом. Распад метафизики их продукт, проявление. То и дело торопливо провозглашаемая смерть постмодернизма подтверждает его жизненность, но уже не в виде отдельного течения, а в качестве типа знания и способа существования человека, возникающего в результате охватившей мир новационно-информа-

---

* Публикуется в авторской редакции с сохранением пунктуации, исправлена только орфография.

ционной революции. Это глобальная идеология техногенной цивилизации, захватывающей/ая/ одну страну за другой, продвигаясь с Севера на Юг и с Запада на Восток. При таком понимании постмодернизма, его важно рассматривать не интерналистски, изнутри, а как он развивался вместе и параллельно с историей общества, или минимум, вместе и внутри культуры, или минимум миниморум, внутри философии. Чего пока не делается.

Падение начинается с вершины и потеря философией статуса метафизики как высшей формы духа происходит со смещением ее внимания с бытия на познание, переносом центра тяжести с онтологии на гносеологию. И. Канта не зря до сих пор считают актуальным философом. Потому что он первый «отказался от мира», объявив его «вещью в себе». Перестав рассматривать объективное бытие как таковое, он перенес интерес и смысл философствования на субъект, сознание и познание. Гносеология, анализ субъектно-объектных отношений становятся синонимом прогрессивного, отвечающего духу времени, «продвинутого» философствования практически до возникновения феноменологии и структурно-лингвистического поворота, не говоря об «отсталых странах», где гносеология была знаменем прогресса в борьбе с гегельянством и материалистической онтологией почти до конца XX века. Хайдеггерянство и связанное с ним возобновление внимания к проблемам бытия не могли остановить общий процесс гносеологической деонтологизации философии. Так же безуспешно ему противостояли философская антропология и экзистенциализм. Их, да и любые вненаучные формы философствования, можно считать маргинальными уже в неклассическую эпоху, сейчас же, в постнеклассическую, или, говоря культурологическим языком, эпоху постмодерна, они существуют вопреки, несмотря или по недосмотру адептов и идеологов глобальной сциентизации, технологизации и дигитализации всего сущего.

Однако на отказе от предметно-чувственного мира (опыта, фактов) – от «бытия» и переносе внимания на гносеологию процесс деонтологизации философии не остановился. Он продолжился внутри самой гносеологии. В ней происходит отказ от рассмотрения познания с точки зрения субъектно-объектных отношений, от оппозиции субъект-объект как «основного вопроса философии». Сначала он решается в пользу первой стороны – приоритета наделенного сознанием и волей субъекта, больше не отражающего, как в классической онтологии, а изменяющего и преобразующего противостоящий ему объ-

ект. Субъект первичен, действует и «создает» себе объект. В этом свете все, что было в философии до Канта, предстает как аристотелизм, «птолемеевщина». В разработке гносеологии как учения об активно познающем субъекте суть совершенной им коперниканской революции. Заменяя принцип отражения принципом деятельности, гносеологизм ориентирует на исследование новых, уже не онтологических оснований познания...

И сталкивается с онтологичностью (фактичностью) самого субъекта. Хотя субъект может быть не индивидуальным, а коллективным, родовым, он все еще обладает «бытием» – носитель опыта и каких-то жизненных характеристик – антропоморфный, духовный, психологичный. Даже если универсализируется. Деятельность, направленная на «что-то», предполагает деятеля, «кого-то», что вместе обуславливает ее сущностную апостериорность. Проблема снятия бытийного, особенно антропологического характера активности субъекта встает во весь рост только в философии XX века. Ранее предпринимавшиеся такого рода попытки в пользу Бога, Абсолюта или, как у самого Канта, «практического разума», так или иначе, инициировались внезапной, эмпирической, пусть и сублимированной, реальностью. Или предполагались реальными. Принципиально и радикально проблема деонтологизации философии решается при отказе от субъект-объектной схемы как таковой.

Это происходит в русле позднего позитивизма и критического рационализма, где гносеология полностью десубъективируется, что означает ее выход за рамки философии и превращение в науку. В результате такой трансформации она прекращает свое существование. Ее функции принимает на себя эпистемология. Эпистемология – научная гносеология, (не)гносеология, бывшая гносеология. Знание в ней рассматривается и не как отражение, и не как средство преобразования внешнего мира, а в качестве существующего самого по себе, самостоятельно – анализируются его предпосылки, функции, возможности. Эпистемология исходит не из занятого познанием «гносеологического субъекта», а из объективных структур знания *suī generis*. Онтология как бы возвращается, однако, уже в роли онтологии знания. Онтологии как (не)онтологии, постонтологии. Если гносеология это теория познания предлежащей реальности, то эпистемология это теория самого (по)знания как особой реальности. Предметная или чувственно-телесная реальность в ней практически исчезает, испаряется. Если она в знании и представлена, то «не собой»,

а предельно опосредованно – в виде его направленности на что-то (гуссерлевская феноменология) или через обозначение чего-то (структурно-лингвистический анализ). Представлена до тех пор, пока от нее не откажутся вовсе и не будет объявлено, что существует лишь самореферентные феномены, язык, знаки, текст – и ничего больше. Эпистемология – вершина, последний рубеж традиционного, хотя уже облаченного в научные формы философствования, связанная с ним пуловиной анализа внутренних значений внешней предметно-чувственной реальности. За рубежом это постфилософская теория и методология любой научной активности как новая, универсальная, самостоятельная дисциплина. «Общенаучное» научное знание. Наукология. Как вся так называемая научно-аналитическая философия, или «стандартная» позитивистская философия науки [1].

Казалось, что в контексте трансформации метафизической субъект-объектной философии в науку, у эпистемологии блестящие перспективы. Торопливые теоретики от философии начали переназывать все проблемы познания – и когда процветала онтология, и когда победила гносеология (что называется, «от яйца»), – проблемами эпистемологии. В учебниках по философии науки теории познания, что, впрочем, естественно, больше нет. Она трансформировалась в эпистемологию. А противоестественно, что как раздел, гносеология исчезает и из учебников по общей философии, которая, стремясь удостоиться похвал, что стала научной, избегает своего «основного вопроса» о соотношении мира и человека, объекта и субъекта. Теряя эту проблематику, она действительно становится научной, то есть теряет себя и превращается в философию (теорию и методологию) науки. Содержание же теории и методологии науки фактически сводится к эпистемологии. С большей или меньшей полнотой, с сильной или слабой проявленностью, везде – эпистемология. Кто думает по-другому, «онтогносеологически», т.е. говорит о денотате, истине, о соотношении объекта и субъекта, вспоминает содержание и чувственную предметно-телесную реальность, тот просто консерватор.

Тем временем время летит стремительно, технологии меняются каждые три-пять лет и от эпистемологического ствола общенаучного (бывшего философского) дерева пустился и набирает силу смертельный для него побег. В последних, новейших философских изысканиях эпистемология тоже исчезла(!). Вместе с неклассической эпохой. Постнеклассическая эпоха постмодерна отказывается не только от гносеологии, но и от эпистемологии. Пробыл их час, они обе (особен-

но обидно за вторую, совсем молодую) приказали долго жить. На их месте возникла когнитология. Для легко/мысленно философствующих, или думающих, что они философствуют, ничего особенного не произошло. Во многих словарях, вовсе не старых, слово «когнитология» объясняется путем простого перевода с латыни: «относящееся к познанию; когнитивный – значит познавательный». В «передовых статьях» гносеология и эпистемология срочно заменяются когнитологией, которая опять применяется ко всей истории философии – *ab ovo* или глубже. Ко всей современной философии. Обсуждаются проблемы «когнитивного развития личности», «когнитивные особенности мифологического мышления», «когнитологические механизмы диалога культур» и др. Кто продолжает говорить о рациональном и иррациональном, тот утратил чутье к новому, а не утратившие его должны исследовать «соотношение когнитивного и ценностного в научном исследовании». Таким образом, оказывается, что никакой гносеологии и эпистемологии не было. Всегда была когнитология. Кто думает по-другому, «гносеоэпистемологически», т.е. вспоминает значения, говорит о проблемах интерпретации и реализуемости, смысла и верификации, тот тоже консерватор, хотя быть может не такой злостный как онтологи и реалисты, которые теперь просто архаики [2].

Как все же много теоретиков безнадежно отставших от паро-, электро-, аэро-, ракето-, компьютеровоза современности! А может, другими словами, бегущих впереди него? Но именно *словами*, так как на самом деле «бегущие по волнам» не хотят считаться, что каждое понятие имеет предел применения (должно быть фальсифицируемо, сказал бы К. Поппер) и «распространенное на все» утрачивает свое содержание. Становится пустым. Или, если его содержание сохраняется, оно разрушает, выхолащивает неадекватный ему предмет исследования. Отстают, потому что убегают – от сути дела, от драматических противоречий развития. Отсталость в наше время приобретает прогрессивные формы.

Экономя время для последующего дискуссионного рассмотрения содержания когнитологии, воспроизведем ее наиболее устоявшуюся базовую характеристику по энциклопедии. «Когнитивная наука (*cognitive science*) – комплекс наук, изучающих познание и высшие мыслительные процессы на основе применения теоретико-информационных моделей. Включает в себя исследования, проводимые в таких областях как эпистемология, когнитивная психология, лингвистика, психолингвистика, психофизиология, нейробиология и компьютерная наука.

Основания когнитивной науки были заложены исследованиями математика А. Тьюринга по конечным автоматам (1936). Ему удалось показать, что для проведения любого вычисления достаточно повторения элементарных операций. Тем самым открылись перспективы для проверки и реализации известной идеи Т. Гоббса и Д. Буля, что мышление есть исчисление» [3].

Сущностно в данном определении можно выделить три практически никем не оспариваемые мысли: что когнитивная наука (когнитология) изучает «познание и высшие мыслительные процессы», что она делает это путем «применения теоретико-информационных моделей» и что «мышление есть исчисление». Если гносеология это теория (познания внешней реальности, эпистемология это теория знания как особой реальности, то когнитология, в пределе, – это *теория всей реальности как особого знания*. Для традиционной философии, вообще для сложившегося способа человеческого познания посредством языка – Logos-a, не говоря об образах и представлениях, об интуиции и телесности, это крайне серьезное событие, означающее, собственно говоря, их ликвидацию. Смерть. *Замену*. Замену не только человека, не только субъекта, не только сознания, до сих пор существовавших эмпирически и выражавшихся преимущественно посредством языка – словами, устно и письменно, вслух и «про себя», но всего Означающего. Которое отныне, лишается предметности и психичности (ценностей и смыслов). *Становится Информацией*. Место онтологического человека, гносеологического субъекта, эпистемологического со-знания занимает когнитологическое мышление, включенное в один ряд с информацией и исчислением. Они предстают как проявление, коды одного и того же процесса функционирования систем (комплексов) получения, обработки, хранения и, по мере необходимости, активизации информации. Ее исчисления или, иначе говоря, мышления. Гносеологическая истина и эпистемологический смысл уступают место когнитивному знаку (цифре). «Телом мысли» в таком случае является не столько человек, сколько компьютерная техника. Компьютер, если по-русски, – Универсальный Вычислитель. А если в когнитивистике – Мыслитель. Все это подходы, этапы становления и «проба пера» технического, т.е., в пределе – абиотического, немозгового, постпсихического, постсемантического мышления. *Когнитология есть теория и методология, а в условном смысле и «философия» информационно-компьютерных технологий, их доведения до уровня искусственного интеллекта как Реальности и обеспечения ее*

пространственно-временной экспансии внутри человеческой цивилизации на Земле и в Космосе.

При содержательном понимании когнитивности, мы видим, что повальное употребление данного понятия превращает его либо в пустышку, либо ведет к теоретически странным, необычным сопряжениям смыслов, превращая их в абсурдные. Что это будут за «информационные особенности мифологического мышления», «вычислительное развитие личности», «постсемантические механизмы научного исследования» или «соотношение математического и ценностного в диалоге культур»? Если здесь есть проблемы, а они есть, притом самые острые, то они требуют специального разъяснения, особого направления философствования, изучающего взаимодействие разных миров и онтологий, разных способов теоретизирования, принципиально по-новому ставящих вопрос о соотношении технического и гуманитарного знания. Нужен осознанный анализ как принятия, так и непринятия когнитивизма. Для определения сфер его ответственного использования.

Критически относясь к универсализации когнитологии, ее распространению на все и вся, особенно в истории мысли, в психологии, лингвистике и, разумеется, в философии, мы не имеем оснований считать, что ее /по/явление было результатом произвольного изобретения. Ею завершается нарастание абстрактности духовного освоения человеком мира по линии восхождения от «поэмы к матеме»: мифология – онтология – гносеология – эпистемология – когнитология. Так же как нельзя считать, будто постмодернистская эпоха не имеет предпосылок в модернизме. Не исследуя почвы, корней и ствола бурно растущего древа познания, ставшего когнитологическим кустарником, невозможно понять и в интересах человека оценить его плоды. Предположить, куда оно будет распространяться дальше. Без такого понимания мы останемся в плену «идеологического постмодернизма», манипулирующего словами без соотнесения с порождающим их бытием. И тем самым маскирующим реальность, которая приходит, надвигается, лишая нас шансов, где возможно, к ней приспособиваться, а где нужно – бороться.

Будем «копать». Понимая, что формализация, когнитивизация и меонизация мышления подобны механизации, автоматизации и ликвидации физического труда, и помня, что археология (знания) требует ручной работы (головой), в ней нельзя пользоваться тяжелой машинной (компьютерной) техникой.

Трансцендентализм как философия когнитивизма

Молодые не знают, а старики кое-кто помнят, что прежде чем все стало информацией, а любое сущее, не исключая человека и общества, ее кодом, существовала Природа, Естественное (калька с греческого – фю(и)зис, с латыни – натура). Статусом подлинности обладала чувственная реальность. Соответственно, философия предавалась изучению окружающего мира, возгонке в мысль того, что человек видел, слышал, осязал – и была мета/физикой, натур/философией. Для метафизиков=натурфилософов природа представлялась некой самой себя обосновывающей сущностью – субстанцией, носителем всех воспринимаемых человеком качеств. С развитием науки как естество-знания, природа-субстанция теряла свои непосредственно чувственные качества и превращалась в Материю, которую естество-испытатели рассматривали как конкретный материал изучения и преобразования. Постепенно натур(мета)философы тоже переориентировались на материю-материал и стали заниматься вопросами естество-зна(пыта)ния, превращаясь в «материалистов», сочетая веру в природу-материю как субстанцию с осмыслением результатов, достигнутых науками в изучении ее конкретных свойств. В европейских университетах даже в Новое время на философских факультетах фактически занимались естествознанием, они были родственны факультетам медицины и противопоставлялись факультетам богословия. Западный «доктор философии» профессионально до сих пор может быть физиком и математиком. Материализм соперничал с идеализмом всю классическую (модернистскую) эпоху и начал утрачивать влияние, когда наука обратилась к исследованию «невидимых» миров, микро- и мегареальностей и отношений, т.е. превратилась в неклассическую.

По мере того как наука теряла связь с непосредственно воспринимаемой эмпирией, онтологический, как механический, так и диалектический материализм становился «гносеологическим», «научным», «функциональным», «знаковым» и т.п. Но в принципе его время кончилось и в ситуации постмодерна «материализм», как и «природа», жестко табуированное слово. В среде «пишущих философов» прослыть материалистом так же неприлично как идеалистом в «эпоху диалектического материализма». Если кто откажется, то отчаянная голова, кому чужая жизнь копейка, да и своя пятак.

Об этом, впрочем, мало кто узнает. Материалистически ориентированные мировоззренческие тексты практически не публикуемы, разве что под покровом экологии, от которой – от самой, в обстановке творящейся инновационной вакханалии, остается пустое слово.

В «высокой философии», непосредственно не связанной с естествознанием, материализм никогда не занимал высокого положения. В кабинеты и парадные залы его не пускали, держа в прихожей, в лучшем случае, на кухне, в спальне. Гегель, как известно, вообще не считал его философией. И вот теперь, когда он «был всюду принят, изгнан отовсюду», казалось, наступило время полного торжества идеального и его теоретиков. Однако никаких кликов ликования не слышно, больше того, постмодернистской деконструкции подвергается не столько материализм (которого как бы нет), сколько «платонизм». Платон для постмодернистов стал каким-то жупелом (правда, в пост-постмодернизме его реабилитируют, но это требует особого разговора). Декарт и Гегель тоже не в почете, Бога умертвили, критика центризма, начинающаяся с критики теоцентризма, завершается разрушением любой вертикали, линейности и семантизма. В борьбе с классикой классический идеализм главный объект атаки, ибо он является ее высшим достижением. Важно разрушить «естественную установку»: сам принцип бытия, присутствия, онтологию, неважно материальную или идеальную; ликвидировать принцип отражения, образца-копии, неважно отражается ли природа в сознании или эйдосы, дух, идея воплощаются в природе; снять саму бинарную, неважно дуалистическую или монистически-диалектическую оппозицию лого/с/центристского мышления. Идеальное, идеализм-Победитель, понунив голову, уходит со сцены вслед за поверженным и лежащим на пол(у)е боя побежденным соперником – природой и материализмом.

Это в центре нигилистического, меонистического циклона, уносящего традиционную философию. По его краям, в самой философии начались аналогичные процессы. Вслед за «материей» куда-то исчезает и «идея», идеальное. В «Новой философской энциклопедии» (М., 2001), например, идеализму уделена 1 страница, а слово «идеальное» отсутствует вовсе(!). Факт особенно показательный, если вспомнить, какие страсти бушевали вокруг них во времена «старого» издания, где идеализму было посвящено 13 страниц, а идеальному 9. (Щадя жизнь философов советского воспитания, соотношение статей по материализму лучше хранить в тайне). Это,

конечно, не по забывчивости или безответственности. В текущих исследованиях «идеальное» фактически вытеснено понятием «виртуальное» и настолько, что первыми виртуалистами вот-вот объявят Парменида, Фалеса, а может кого и раньше (теперь, не шутите, вся культура, а у «неофундаменталистов» и природа, виртуальная реальность); при переиздании философских классиков в некоторых предисловиях слово «идеальное» по-тихому стали заменять (подменять) на «виртуальное». Виртуальное, не так давно переводившееся как «мнимое», претендует быть более реальным, чем «реальное реальное». Как идеальное в идеализме – субстанцией. Поток статей и диссертаций по виртуалистике несравнимо мощнее, нежели по проблематике идеального, от которой остался слабенький, почти пересыхающий ручеек. В суть(щ)ности говоря, идеальное отправлено в архив вслед за материальным вместе с так называемым основным, главным, центральным, кардинальным вопросом всей метафизической философии: что есть Бытие (Природа, Бог)? Какое оно, материальное или идеальное? Вместе с самим бытием. В шею его! Что и отразилось, по мере сил, не всегда последовательно, в Новой, оправдывающей это слово, российской философской энциклопедии 2001 года.

Как видим, судьба всю жизнь братски враждовавших понятий материального и идеального одинаково печальна. Хотя в разной степени. Если у материализма не осталось даже наследников, по крайней мере, прямых, то у идеального есть, не всеми правда признаваемый, восприимчивый – виртуальное, которое (в свидетелях все следящие за текущей философской жизнью) стремительно стремится занять его нишу. А не признает его опять-таки «высокая философия». Какое-то оно сомнительное – «техническое», без корней, без истории и традиции. Обсуждают его в основном в русле философии науки, техники и информатики. Выскочка. И вот – спрос рождает предложение – в последнее время на наследство идеального объявился еще один претендент. Это – *трансцендентальное*, которое, пожалуй, может вступить в спор за наследство с виртуальным, претендуя на него по праву первой очереди. Ибо укоренено в истории философии: идеализм различался как субъективный, объективный, абсолютный и – трансцендентальный. Правда, до смерти «классического идеализма», понятие трансцендентального держалось скромно, как обозначение одного из не самых значимых направлений, известного в основном специалистам по Канту, неокантианству и фе-

номенологии и о котором не пишут в учебниках. Теперь оно выходит на большую дорогу. Этот, по словам Гегеля, «варварский схоластический термин», заимствованный Кантом из средневековой теологии, распространяется все шире и по последним наблюдениям в своей «обратной экспансии» дошел до Декарта. Уже появляются высказывания насчет «трансцендентального идеализма Платона», имитируются неокантианские попытки «трансцендентального измерения гуманитарного знания», вплоть до укоренения трансцендентального в экзистенциальном(?!). Опять все признаки набирающего обороты заваливания существа понятия противоположными или посторонними смыслами, его превращения в «необязательное» слово. Как с когнитивизмом и виртуалистикой.

Пока этого не произошло (откапывать его в виду сложности для понимания будет особенно трудно), обратимся ко времени, когда оно обрело свой действительный смысл, связанный с разрывом с прежней метафизической философией и поворотом от онтологии к гносеологии, потом к эпистемологии, а далее к когнитивистике. Философия трансцендентального идеализма и когнитивизм внутренне взаимообусловлены, вследствие чего И. Канта можно считать первым представителем когнитивного моделирования мира.

Так чем отличается трансцендентальный идеализм, осознававшийся самим Кантом как *беспрецедентный* в истории философии, от прежнего, «метафизического» идеализма? От «неспособного указать никаких критериев истины» субъективного идеализма Беркли, от «догматического идеализма Платона», а также от идеализма Декарта, даже Лейбница, других математиков и философов, опиравших свои теории на интеллектуальную интуицию? В Новое время в философии и науке стало утверждаться убеждение, что «познание всякого, по крайней мере, человеческого, рассудка есть познание через понятия, не интуитивное, а дискурсивное» [4]. Другими словами, оно должно быть научным, т.е. не выходить за пределы строгой рациональности, в которой и надо искать обоснование его обязательной общезначимости. Ни интеллектуальная, ни чувственная интуиция, ни тем более апелляция к Трансцендентному, ее не обеспечивают.

Трансцендентальный идеализм отличается от «обыкновенного» онтологического объективного и субъективного идеализма тем, что постулирование в нем чистого, внеопытного, априорного разума было прыжком человеческого духа из единственной, генетически адекватной ему предметной реальности в возможные миры. Это философский

этап его «де-терра-ториализации» и обоснование права на существование не обусловленного природой, материей и обществом (апостериорным, эмпирическим), Богом, духом, психикой, вообще «означаемым» – знания. Другими словами, не обусловленного Бытием и учением о нем – онтологией. Бытие квалифицируется как «вещь в себе» и больше не присутствует в каких-либо теоретических построениях. Данные опыта, «факты», по мысли Канта, имеют значение постольку, поскольку дают представление о законах эмпирической реальности, но они не могут привести к познанию генезиса и причин этих законов, гарантировать их аподиктический характер. Законы, в силу которых существует и через которые познается мир, должны быть первичными, «начальными». Не законы в мире, а мир в законе. Не разум в Бытии, а бытие в Разуме. Не возможности, открывающиеся в ходе развития действительности, а действительность как воплощение заранее существующих возможностей.

Человеческая мысль долго двигалась к достижению чистоты, свободы и самостоятельности. Первоначально она была полностью «вплетена в бытие» и, неразрывно связанная с наглядными представлениями, оперировала преимущественно чувственными образами. Осваивала единичное. Это было «бытие-в-мире». В процессе усложнения практической деятельности, возникают общие понятия, которые требуют преимущественно звуковой, словесной формы, непосредственно не отражающей каких-либо предметов. Такой подход к реальности устанавливался с большим трудом. Вижу чашу, но не вижу чашности, говорил оппонент Платона. Это потому, отвечал тот, что у тебя есть глаза, но нет ума. Тем не менее, люди постепенно осваивали «невидимые», «сверхчувственные» связи и отношения. Формировали «картину мира», в которой появляются беспредметные понятия, категории и универсалии. И, наконец, возникает логическое мышление как таковое, счет и первые представления о количестве, не опирающиеся ни на указания конкретных предметов, ни на память о них («без палочек» и пальцев рук-ног). Осваиваются проектные и реляционные, «без-вещные» отношения. Изобретаются бесконечно малые числа и аналитическая геометрия.

Кажется, все хорошо. Человеческая мысль, повзрослев и встав на собственные ноги, подняла глаза к небу. Проблема, однако, в том, что смотрела она туда ради земли, побуждаемая потребностями своей телесно-духовной жизни. Она *эта*, с определенным артиклем, человеческая. Логос, слово, язык, действительные числа обусловлены эм-

пирией, хотя бы потому, что они «качественные» и всегда «о чем-то». Выражаемое в них знание содержательно. Абстрактное нарастает, но самые тонкие сублимации, самые отдаленные испарения несут в себе следы своего субстрата. Следы бытия. Декарт разделил бытие на две сущности, а потом все время был озабочен проблемой их взаимодействия. Только Кант решился обрезать пуповину, тянущуюся от бытия к сознанию и постулировал самотождественность, априорность и независимость последнего. Даже от головы, от физиологии и психики. Осознал *в принципе* его совершившийся «отлет» от действительности. Для начала – от природы. «Ибо те, кто исследует одни лишь явления природы, всегда остаются одинаково далеки от глубокого понимания первых причин этих явлений и столь же мало способны достигнуть когда-нибудь познания самой природы тел, как те, кто, подымаясь в гору все выше и выше, стал бы убеждать себя в том, что в конце концов они коснутся рукой неба» [5].

Во времена Канта Небо было оппозицией земле, символом чистоты и пустоты, хотя не для всех: у кого-то там были поселения Богов. Если бы он жил сейчас, то мог полнее развернуть свою аналогию. На небе жили и живут «традиционные идеалисты». Метафизические. Как религиозные, так и секуляризованные. Да, они оторваны от земли, однако это, пусть предельное, но абстрагирование. Там могут быть образцы, «эйдосы», предполагающие земное воплощение. В любом варианте: Небо зависит от Земли или, наоборот, Земля порождается Небом, они обуславливают друг друга. Специфика трансцендентального философствования в выходе за пределы системы земля – небо, являющейся своего рода содержательной реализацией традиционного бытия. *Преодолев земное притяжение, человеческий дух, в лице Канта, вышел в Космос*. Детерриториализовался. В мега- и микромасштабах. Вместо предметного бытия = от бытия, у Канта остаются пространство и время. Существующие а-приорно и аподиктически. Вечно и бесконечно. Это характеристики не субъективного, и не просто объективного и общезначимого, а трансцендентального сознания. (Имея в виду дальнейшие тенденции, лучше бы сказать не «сознания», а «мышления»; Кант – убийца Духа, вместо него он *изобрел Мысль, Интеллект*; но всему свое время). Транс-, чрез-, пост-, пере- – назначение подобных приставок в обозначении «перехода за», прорыва границы сущего. Границы Земли и ее атмосферно-духовной ауры – Неба. П(е)реступание человечества за Бытие. За свою deadline.

Поскольку сознание у Канта, принадлежа трансцендентальному надчеловеческому «Я», лишено субъективно-личностных характеристик, универсально и не взаимодействует с объектом, постольку, вопреки школьным представлениям, *он эпистемолог, а не гносеолог*. Притом первый, ибо гносеологизм – предел «идеалистичности», абстрактности традиционного идеализма, ограниченного «основным вопросом философии»: взаимодействием Земли и Неба, материального и идеального, субъекта и объекта. Он до(вне)научный, спекулятивный, не «позитивный». Принципиальная новизна кантовской философии в сравнении с предшествующей, как раз в том, что она его преодолевает. Коррелятом эпистемологии как философии науки, а не философии как метафизики с ее онтологией и гносеологией, является постметафизический, т.е. *трансцендентальный* идеализм. Это минимум.

Максимум, что эта сфера чистого разума с его априоризмом и аподиктичностью есть, говоря языком науки, сфера потенциалистской логики, аксиоматики и дедукции, в конечном счете, беспредметного, математического, количественно-топологического моделирования реальности. Моделирования как мысленного конструирования. Трансцендентализм – это то, что относится ко всем возможным мирам. Абсолютным максимумом возможностей обладает Ничто. *Трансцендентализм – это то, что относится к Ничто, из которого возникает Всё*. О «всеобщей математике», об «универсальной геометрии», которые применялись бы к любым областям знания, в большей или меньшей степени мечтали все рационалисты. Естественно, в естественных науках, но Гоббс, как известно, предлагал использовать их в политике и юриспруденции, Спиноза пытался делать это в этике, Лейбниц в мышлении вообще, в том числе в философии. «В случае возникновения разногласий, – провидчески писал он, – двум философам не придется больше прибегать к спору, как не прибегают к нему счетчики. Вместо спора они возьмут перья в руки, сядут за доски и скажут друг другу: “будем вычислять”» [6].

Вот когда ставился вопрос о преодолении логоса (и не в восточно-христианском смысле как «Живого слова», а уже как «рацио») и переходе к когнитивному познанию! Однако выглядело это гносеологической утопией, которая не подкреплялась ни состоянием тогдашней математики, занятой преимущественно изучением постоянных величин и евклидовых геометрических фигур, ни философской тематикой, ориентированной на рассмотрение действительности,

а не любых отвлеченных форм мысли. По крайней мере, до создания (не открытия, как часто говорят, а именно создания, конструирования) воображаемой, наконец-то априорной геометрии Н.И. Лобачевского (1826 г.) и спустя три года геометрии Яноша Больяи, который с гордостью писал своему отцу: «Из ничего я создал целый новый мир». Докантовские рационалисты, если и подводили под всеобщую математизацию теоретическую базу, то она оставалась либо общенаучной, либо апеллировавшей к внерациональным аргументам. Не отказавшись от Бытия в пользу Ничто, не вырвавшись за границу традиционного «онтогносеологического» философствования, не сделав абстракцию первичной, т.е. фактически не аб/стракцией-сублимацией, а суб/станцией, создать ее было невозможно. Мировоззренчески эту задачу решил Кант. Преодолев земное притяжение логоса, он вывел математизацию в априорный, пустой и чистый разум-космос, в силу чего его можно считать первым представителем нигитологии как *креативного меонизма*, т.е. сверхъестественным идеалистом-конструктивистом и... философским основателем когнитивистики. *Он не просто эпистемолог, а когнитолог.* Хотя, разумеется, возникли другие проблемы, начиная с его собственной непоследовательности, но все это на уровне, коррелятивном запросам неклассической науки и постметафизического мировоззрения.

Главной причиной непоследовательности Канта оставалась «вещь в себе», мир, от которого он отказался. Получив после этого антиномические противоречия и начав задыхаться в безвоздушном пространстве-времени пустоты, падать, теряя ориентацию и равновесие, в неве(щ)сомости, замерзая среди холодных построений алгебры и геометрии, он был вынужден возвратиться назад, на Землю. Фактически через принцип двойственности истины, прибегнув к практическому разуму, необходимым постулатом которого является существование Трансцендентного Бога. Войдя в этот корабль духовного спасения, он отчалил от абсолютно чистой трансцендентальной апперцепции и, оттолкнувшись, парашютировал «вниз», к эмпирии, к проблемам чувственно воспринимаемой реальности, «метафизики нравственности», «вечного мира», «незаинтересованного», но все же «удовольствия», другим жизненным формам человеческого бытия. Вплоть до интереса к натуралистическим воззрениям Руссо.

К счастью, эстафета борьбы с духовным и предметно-чувственным миром, нашей «естественной установкой» (через голову Гегеля, Маркса, оставшихся «при бытии», т.е. метафизиками, т.е. не до-

рошшими до у(вы)хода в транс имманентистами) была принята следующим великим представителем трансцендентализма Э. Гуссерлем. Он тоже прошел стадию отказа от метафизическо-идеалистического абстрагирования, называя его, в соответствии с терминологией Платона, эйдетической редукцией и считая недостаточным для создания философии как «строгой науки». Эйдетическая редукция – высшая форма абстрагирования, но она посюсторонняя и референтная. А не потусторонняя и не саморефлексивная. Она, следовательно, не трансцендентальна. Это «традиционный» рационализм. Трансцендентальной является *феноменологическая редукция*, в которой проблема внешней реальности решается не через ее сублимированно-абстрагированное, но все равно мешающее чистой логике наличие, с одной стороны, и не через все же пугающее меонизмом исключение из теоретического со(по)знания, с другой, а путем превращения в его атрибутивное качество. Сознание обладает свойством интенциональности, то есть направленности на реальность по самой своей сути. Как наш взгляд, если мы вменяемы, не безумны, всегда смотрит на что-то, а если мы слушаем, то не тишину, а звуки, так наше сознание всегда «сознание о» – о чем-то. Или чего-то. Вместо поиска объективного, «аффицирующего» нас референта – интенциональность. Вот пункт поворота философствования от метафизики к феноменологии. Отсюда следует, что никакой отдельной «вещи в себе» предполагать не нужно. Она не отброшена, не забыта (как, например, предлагали неокантианцы Марбургской школы), а учтена, хотя как таковая не существует. Благодаря феноменологической редукции и идее интенциональности получается, что и волки сыты, и овцы целы. Мир помещен в скобки, капсулирован, он больше ничего не загрязняет и никому не мешает, однако, являясь членом алгебраического уравнения, участвует во всех сложениях, умножениях, делениях и прочих его преобразованиях. Он о(за)хвачен сознанием, находится в нем и заключен в него. Это *состояние сознания*. Так Гуссерль нашел, «вывел» новую феноменологическую форму(лу) един(ства)ого мира как «(не)бытия-в-сознании».

Отныне человека окружают не вещи, а феномены. Даже не окружают – это выражение пережиток «естественной установки» – а все сущее и он сам есть чистое, хотя бытийствующее сознание-знание. В XX веке отказ от бытия как признания самостоятельного существования предметно-чувственного, образно-телесного мира приобрел общетеоретический характер. Так называемый структурно-лингвистический (поздний вариант – текстологический) поворот оппонирует лю-

бому, как материальному, так и идеальному субстанциализму и эссенциализму, фактически позиционируя себя кантианством без вещи в себе и трансцендентального субъекта. Подобно феноменам, структура, язык, текст являются со/знанием, в котором по самому их назначению представлен объективный мир. Собственно говоря, это была трансцендентальная феноменология, вырвавшаяся из философско-спекулятивных схем рассуждения на простор сначала гуманитаристики, а потом познания вообще. Или можно наоборот: трансцендентальная феноменология была порывом философии к структурно-лингвистической парадигме, но ограниченная спекулятивными путями сугубо умозрительного типа мышления, осталась ее специфическим, почти эзотерическим направлением. Оно до сих привлекает к себе высоких философских интеллектуалов, почему-либо не ставших полезными математиками, всех любителей «игры в бисер» возможностью заниматься церебральной теоретической мастурбацией («текстурбацией»), не оплодотворяя других областей жизни и деятельности. Хотя сам Гуссерль оказался (всего только) человеком и – «сломался». Разочаровавшись в науке, тем более «строгой», он, подобно Канту, обратился к экзистенциально-антропологической проблематике жизненного мира, этому «практическому разуму» XX века.

Однако теоретический разум не дремлет. Структурно-лингвотекстологическая парадигма была своего рода самоубийственным порывом гуманитаристики к его еще более мощному проявлению, укорененному в развитии науки, точнее, человеческой цивилизации в целом. Она оказалась специфической гуманитарной подготовительной ступенью к развертыванию *Великой Информационной Революции*. Феномен, структура, язык, – все их можно обобщить в понятии «Информация». Она тоже универсальна, *интенциональна* и в силу этого включает в себя, одновременно заменяя собой, Бытие. Кредо информационной трактовки мира: «В Начале была Информация. И Информация была у Бога. И Информацией был Бог» (новейший перевод ветхозаветной Книги Бытия). Пока наш, не канонический.

Но... пока и не строго трансцендентальный, не чисто когнитивный. Трактовка информации по аналогии с феноменами, языком и структурой, решая проблему «вещи-в-себе» путем ее включения в себя через интенциональность, через отражательное понимание информации как «сведений», «информации о», «знание про что-то» не является априорной. Она лого/с/центрична и все-таки содержательна, апостериорна, т.е. не до-, не вне- и не сверхопытна. Не фор-

мальна. Язык, язвк, язвук, голос = фоноцентризм; речь о чем-то и обращенная к кому-то = онтоцентризм; слова, которые бывают мужского и женского рода = фаллоцентризм – вот и полезла эмпирия. Так и со структурой, феноменами, со всей включившей в себя, изолирующе-кодирующей собою предметно-эйдетическое, эссенциалистское содержание мира, информацией. Ткни, поскреби хорошенько, раскрой скобки, повреди кабельную оболочку – и вещи выйдут из себя: брызнет кровь, ударит энергия, д/у/охнет жизнью. Опять проклятые субстраты. Опять ненавистные идеи. Так называемые реальность, образы, смыслы. Притом (караул!) – Человеческие.

Полагали, что здесь выручает текст. Он надежнее, ибо отчужден от головы и тела, существуя после изготовления вполне самостоятельно. Дух в нем упорядочен и организован. Внутреннее и имманентное преодолено. Если в языке бытие очищено и пастеризовано, то в тексте оно высушено и законсервировано. От территории остается карта, от общества библиотеки, от людей знаки. Обновленное, «постязыковое», усиленное кредо борьбы с чувственной реальностью: «нет ничего кроме текста». Под этим лозунгом познание докатилось до постмодернизма. Но... погода переменчива, вдруг сгустятся жизненные тучи и на текст прольется дождь, после которого законсервированное в нем содержание намокнет, разбухнет, оживет и даст побегу? Заключенную в нем информацию начнут интерпретировать, «докопаются» до того, что она отражает, куда зовет? «Звуки на *a* широки и просторны // Звуки на *и* высоки и проворны // Звуки на *у* как пустая труба...» (Д. Бурлюк). «Структуры не выходят на улицы» – это правда, но вдруг они ослабеют, пропитаются «желанием» и опять появятся субъекты? Опасность апостериорного заражения знания бытием и жизнью – сохраняется. *Текстуализм тоже не подлинное, не фундаментальное, а значит не гарантированное у-ничто-жение бытия и его всевозможного лого/с/центристского представительства!*

Подлинный прорыв к трансцендентализму и когнитивизму происходит в транс/пост/модернистской (не)философии: после деконструкции традиционной метафизики, т.е. умерщвления субъекта, человека, означающего и означаемого; в процессе отказа от слова (и знака!) или, если сохранять это слово, в пользу *пустого* знака, т.е. письма, грамматологии; по мере реализации программы борьбы с архео-гео-онто-этно-фалло-фоно-лого (историей, Богом, бытием, культурой, телесностью, эмпирией, слово-)центризмом и прочих, прочих экспроприационно-деконструкционных ак(т)циях нигилистической идеологической ре-

волюции; после бульдозерной рас(за)чистки ею места (не терри/терра/тории, а *от* территории) с целью подготовки теоретической площадки для позитивно-нигилистического когнитивного моделирования и конструирования. Когда как результат действительно возникают «новое Небо и новая Земля», а если без архаических метафор, то человечество, наконец, пре-одолевая небо и землю, начинает действовать в Космосе, на любых иных планетах не только в фантазиях или технически, но и философски. Делает его точкой отсчета при моделировании любой реальности, а *космизм* – *мировоззрением и парадигмой познания*. Или, уничтожая природу, создает «рукотворный» космос (возможные виртуальные миры), его/их невыносимые условия для жизни на земле. Отряхнув со своих ног прах естественной реальности и обратив взгляд внутрь себя, вступает в реальность головную, а потом от головы отчужденную, полностью искусственную, информационную, интеллектуально-техническую. *В когнитивно реализованный трансцендентализм.*

Самый значимый теоретический вклад в *когнитивно-трансцендентальный, компьютерно-космический по(пере)ворот*, как знаток истории философии, ее болевых точек, внес, пожалуй, Ж. Делез. Он «довел до точки» проблемы, оставленные Кантом и Гуссерлем, не имевшими для их решения объективных условий или малодушно убоявшихся последствий их последовательного решения. Не всегда осознавая, он положил краеугольные философские камни в основания когнитивизма, и хотя тоже страдал от нехватки воздуха, но мужественно держался до последнего прыжка из окна. Процесс шел(,) естественно, не по порядку, будто бы сначала была трансцендентальная философия, потом постмодернистская деконструкционная программа, а за ними когнитивная информационно-дигитальная практика. Скорее наоборот. Трансцендентальная философия «доставлялась назад», разыскивая, а чаще придумывая свои основания в прошлом, для чего его пришлось подвергнуть чудовищной деконструктивистской ревизии, поставив всю метафизику теперь уже (окончательно) с ног на голову, а потом вовсе оставив без головы, вместо которой будут предложены... (но об этом потом).

Философски нам важно зафиксировать точку опоры рычага трансцендентального переворота. Традиционная метафизическая философия опиралась на принцип тождества и исповедовала единство мира, которые Кант и Гуссерль не преодолели. Только в постмодернизме – Жиль Делез вместо принципа тождества (и противоречия) предложил поло-

жить в основание философствования принцип различия (и повторения). «Различие – за каждой вещью, но за различием ничего нет» – таково кредо его «нового рационализма» [7]. Принцип тождества – это «самое само» метафизики вещей, тел и идей, объекта и субъекта, их существования и сохранения. $A = A$ – изменения возможны, но в пределах границ, качества, идентичности данной вещи. Нарушая меру, изменения приводят ее к гибели, разложению на элементы, из которых возникает нечто другое. Если эта «вещь» мир в целом, то все изменения происходят внутри Единого Бытия, которое само по себе вечно и бесконечно. Принцип различия, наоборот – когда A (не) $= A$, $A = \text{не } A = B = V$ и т.д. Это принцип существования «одного другим», становления и изменения, непрерывного возникновения Нового, Иного. Для суще/ствующе/го – принцип отсутствия, небытия. «Необходимо, чтобы вещь не была тождественной, но была бы разорвана различием, в котором угасает тождество объекта, увиденного как видящий объект. Необходимо, чтобы различие превратилось в стихию, высшее единство, чтобы оно отсылало к другим различиям, которые вовсе не отождествляют, но дифференцируют его. Необходимо, чтобы каждый член ряда, уже будучи различием, находился в изменчивом соотношении с другими членами, учреждая тем самым другие ряды, лишённые центра и сходимости. В самом ряде надо утвердить расхождение и смещение центра. Каждая вещь, каждое существо должно видеть поглощение собственной идентичности различием, быть лишь различием среди различий» [8].

Гимн, исполняемый Делезом Различию, оправдан. Эта категория его заслужила, ибо сама постмодернистская философия нередко определяется как философия различия. Не только у Делеза, а во всем постмодернистском мышлении (см. например: Деррида Ж. «Письмо и различие» М., 2000), она выступает связующим звеном, средостением, своего рода шлюзом для перехода из метафизики в трансцендентализм, от эссенциализма к реляционизму, от единства к множеству, от сознания к мышлению. Переход от тождества к различию есть переход от вещей к отношениям, притом, различия в постмодернизме не являются основаниями вещей и даже не отношения между вещами. Это чистые, самодостаточные отношения – априорная Мысль. *Информация как нечто первичное* (не она отражает и кодирует мир, а мир является ее отражением и кодом). Которая, как известно, тоже определяется через «меру разнообразия», т.е. через различие. Чистое, количественное, формальное. Первое, построенное Чарльзом Бэббиджем вы-

числительное устройство, называлось «разностная машина». Различия – это «атом», «элементарная частица» – теперь *грамма, бит, пробел* мысли-информации, существующих априорно, до опыта, до бытия. Если Кант через критику априоризма отказался от представительства мира в сознании, если Гуссерль через критику психологизма устранил из него всякую образность, то Делез, через критику интенциональности вычистил из него значения и смыслы. Вот когда мышление, наконец, стало бессодержательным. «Абсолютно внешним». Если в философии Бытия в качестве *causa sui* постулировалась некая материальная (природа) или творческая (Бог) сущность, то здесь в качестве *a priori* берется Мысль. Как таковая. Там субстанциальность, здесь трансцендентальность. Можно наоборот: а *a priori* есть субстанциализм Ничто («мысли-в-себе»); *causa sui* есть трансцендентализм Бытия («вещей-в-себе»). Когда Канта, Гуссерля, Делеза упрекают в беспредпосылочности их априоризма (пространственно-временного, феноменологического, «дифференциального»), то забывают, что понятие субстанции, Бога тоже беспредпосылочно, не обосновано и постулируется. Просто это разные основания и постулаты. Два догматизма: фундаменталистский, содержательный и реляционистский, формальный. В метафизической философии в качестве догмы берется Бытие (Природа, Бог), в трансцендентальной – Ничто (Сознание, Мысль). *Трансцендентализм суть априорный субстанциализм = субстанциальный априоризм.*

Субстанциализм/априоризм/фундаментализм не Бытия, а *Становления*, через различие-повторение, *trace-differance*, различие-повторение, *trace-differance*, и так далее... До умопомрачения. Авто(само), архе(первичное) письмо, графически (грамматологически) выражаемое цифрами 101100101110 и так далее... *По Программе*. Мировоззрение «it from bit», в конечном счете исходящее из Ничто, когда сущее не существует, а непрерывно исчезает и возникает. Становится. *Самоорганизуются*. Самоорганизация – самодействие, по-гречески, *автоматос*. Автомат-изм есть «субстанция-субъект» становленческой модели мира, ее Бог и Абсолют. Реализуемый *через повторение* автоматизм и *синергетика* как теория неравновесных систем – вот (не)онтологический (конструктивистский) фундамент объяснения априорного, внебытийного субстанциализма, которого во времена Парменида, Платона, даже Канта и Гуссерля не было, а Делез его только философски = спекулятивно открывал. Была диалектика, где утверждалось, что находящееся в потоке и процессе пространственно-протяженное сущее, тоже саморазвивается. Но это объяснение содержательное, философо-

логосцентричное, опирающееся на принцип тождества и противоречия, т.е. на по-рождение как сохранение трансформирующегося сущего. Была, есть синергия, творчество, предполагающие своим перво/последним гарантом Трансцендентное, из/вос/хождение от/к него/му. В противоположность им – диалектизму и синергии, даже кантовскому креативному меонизму, в *автосинергетической информационно-динамической парадигме* объяснение формализованное, количественное, техникоцентричное. В ней трансцендентальный априоризм фундирован положением, что универсум создается, опираясь на множество и хаос, различия и их повторение. На чистый саморазвертывающийся процесс – непротяженное, детерриториализованное время как «растянутое», распределенное по «пространству», все вбирающее в себя ничто. И опять по-Рождающее, «из хаосмоса», однако бессубъектно, причем с огромной интенсивностью, опять бытие. Но *Иное*. Искусственную (по отношению к «миру № 1») реальность других миров. «Механизмом» его/их действительного осуществления и экспансии становятся, на наших (не)глазах, Hi-Tech, и, прежде всего нано- и биотехнологии.

Совпадение, начавшегося с Канта отрыва мысли от бытия, ее субстанциалистской догматической «априоризации» с потребностями когнитивно-информационной, нанотехнологической (и) космической революции – вот причина возрождения трансцендентализма. Непрерывного возрастания интереса к нему. (Обсуждение в наукологии проблем рационализма без учета трансформации рационального в трансцендентальное производит впечатление вращающейся, застряв на одном звуке, пластинки). Трансцендентальная философия, с одной стороны, вызывается к (не)жизни новейшими тенденциями нынешнего времени, а с другой, она, предчувствуя информатику, синергетику, программирование, виртуалистику и другие формы самоорганизации новационно-искусственного универсума, приходящего на смену нашему естественному миру, закладывала для него спекулятивные основания. *Трансцендентализм – это философия когнитивизма. Когнитивизм – это (не)философия трансцендентализма* [9]. Вместе, претендуя на универсальность и парадигмальность, они предлагают единственно актуальную, «наконец-то» истинную модель мира. Мира, в котором человек, наконец, покончил с собой. Пройдя по ленте Мебиуса отрицания бытия, мы получаем его другое, послечеловеческое, трансгуманистическое качество. Новую Онтологию. И Идеологию. Онтоидеологию безграничного, ничем не регулируемого, в пределе автоматического,

технического инновационизма, благодаря которому человечество, теряя смысловое, лого(с)центристское сознание, впадает в цифровой транс(модернизм) *Mathesis Universalis*. Если дело пойдет так и дальше, на его долю останется последнее математическое действие: вычитание себя из самого себя.

Примечания

1. Может быть недавно основанный журнал «Эпистемология & философия науки» переименовать в: «Эпистемология & наукология»?
2. Может быть недавно основанный и переименованный (пока нами) журнал «Эпистемология & наукология» переименовать в: «Наукология & когнитология»?
3. Новая философская энциклопедия. – М., 2001. – Т. 3. – С. 264.
4. Там же.
5. Кант И. Сочинения в шести томах. – М., 1964. – Т. 3.
6. Там же. – С. 137.
6. Цит. по: Рассел Б. Новейшие работы о началах математики // Новые идеи в математике. – СПб., 1913. – Вып. 1. – С. 87–88.
7. Делез Ж. Различие и повторение. – СПб., 1998. – С. 79.
8. Там же. – С. 7.
9. Может быть, недавно основанный и переименованный (пока нами) журнал «Наукология & когнитология» переименовать в: «Когнитология & трансцендентальная философия»?

Дата поступления 04.10.10

Нижегородский государственный
университет, Нижний Новгород
kut.va@mail.ru

Kutyrev, V.A. Cognitive world and its historical prerequisites

The paper considers historical forms of cognitive modeling of reality, viz mythology, gnoseology, epistemology, and cognitology. Cognitivism replaces the qualitative = semantic kind of knowledge (Logos) by the quantitative = formal one (Mathesis). We may regard cognitivism as basing on Kant's and Husserl's transcendental philosophical systems. Postmodernism (first of all Deleuze) overcomes their inconsistency by replacing principles of thinking: identity and contradiction are replaced by difference and repetition. This is informationism. It means that ontology is replaced by nihitology and the human objective sensual universe is replaced by the constructive and cognitive post-human world.

Keywords: gnoseology, epistemology, cognitology, transcendentalism, postmodernism, identity, difference, nihitology, Mathesis universalis